

УДК 821.111 – 3

ШЕКСПИРОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПУТЕВОЙ КНИГЕ ЛОРЕНСА ДАРРЕЛЛА «КЕЛЬЯ ПРОСПЕРО»

Инна Геннадиевна Савельева

аспирант кафедры литературы

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

140411, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, д.30. savelieva.inna@gmail.com

«Келья Просперо» (1945) – первая книга из путевой прозы английского писателя Лоренса Даррелла (1912–1990), посвященная его пребыванию на греческом острове Корфу в предвоенные годы. Писатель создает неповторимый образ острова посредством представления его истории сквозь призму мифов и литературных произведений, в частности «Бури» У.Шекспира. Автор полагает, что Корфу – это остров Просперо и рассматривает эту идею в своем травелоге, превращая реально существующий остров в таинственное, волшебное место. В своей книге писатель умело комбинирует элементы автобиографии, путеводителя, дневника путешественника и художественного текста, расширяя жанровые границы и предоставляя исследователям широкое поле для интерпретации произведения.

Ключевые слова: Лоренс Даррелл; путевая проза; травелог; «Буря» У.Шекспира; Просперо; остров Корфу.

Лоренс Даррелл (1912–1990), английский писатель, известный романист, автор тетралогии «Александрийский Квартет», посвятил значительную часть своего творчества путевой прозе, которая представлена у него рядом травелогов, эссе и двумя путеводителями по Провансу и греческим островам.

Травелог «Келья Просперо» (1945) относится к раннему периоду творчества Даррелла и открывает собой цикл так называемых «островных» книг, в который вошли также травелоги «Размышления о Венере морской» (1953) и «Горькие Лимоны» (1957). Все три книги посвящены греческим островам и являются отражением определенных творческих и духовных интересов писателя. Эти автобиографические травелоги не только содержат описания увиденных мест и полученных во время путешествия впечатлений, но также позволяют в определенной степени проследить развитие творческого самосознания автора, его становление как писателя.

В этом смысле травелог «Келья Просперо» заслуживает пристального рассмотрения, т.к. повествует о первом путешествии писателя в Грецию, а именно на греческий остров Корфу. Это событие станет знаменательным в биографии Даррелла, определив на годы вперед тематику многих его произведений: греческая природа, история и культура, особенности греческого национально-го характера, англо-греческие отношения, поиск

собственной идентичности, философия истории, идеи о «духе места», «островомании» и др.

Лоренс Даррелл родился в Индии, в семье колониального служащего. Только в возрасте 11 лет Даррелл впервые оказался в стране, которую следовало принимать как наконец-то обретенную родину. Но этого «приятия» не произошло, переезд болезненно сказался на самоощущении Лоренса. Гордон Баукер, автор книги «Through the Dark Labyrinth. A biography of Lawrence Durrell» (1998), выделяет среди причин неприятия Дарреллом Англии чуждость окружающей среды, когда, привыкнув к «пышной экзотике Индии, её ослепляющим пейзажам, чувству свободы и привилегированности положения», он оказывается в «холодном, сером, мрачном Лондоне, где все кажется несчастными» [Bowker 1998: 20]. Чувство потерянности усиливалось трудностями, с которыми сталкивались многие жители колоний, – невозможностью четко определить свое место в структурированном английском обществе, мелочными проявлениями снобизма и т.д. В Англии Даррелл страдал от одиночества и отсутствия «настоящих переживаний», поскольку, как писал Э.М.Форстер, «дело не в том, что англичанин не умеет чувствовать. Его учили в школе, что чувства – это плохо...»¹. Позже Даррелл говорил: «Мне потребовалось много чеснока, вина и голубого моря, чтобы избавиться от этого ба-

гажа и стать по-настоящему свободным писателем» [Bowker 1998: 21–22].

Однако Англия, какой бы ужасной она ни представлялась вначале будущему писателю, открыла Дарреллу его любимых «елизаветинцев» и, в первую очередь, Шекспира. Каждый день, отправляясь в школу, Лоренс имел возможность постигать «Лондон Шекспира» – сам факт того, что здесь когда-то располагался шекспировский театр «Глобус», другие театры елизаветинской эпохи, а также вид убранства Саутваркского собора будоражили воображение, мгновенно перенося его в «мир шекспировских пьес». Позже Лондон откроет Дарреллу Кристофера Марло через «театральный мир южного берега Темзы», стихи Джона Донна, подарит возможность ощутить «диккенсоновскую атмосферу» при прохождении им испытания сурового режима обучения в английской школе и многое другое, что станет неотъемлемой частью авторского «я» писателя.

Лондонский период в жизни Даррелла окажется трудным, что во многом связано с проблемами взросления, поиском себя и своего места в мире. Перепробовав разные профессии, издав свои первые произведения и обзаведясь знакомствами в литературной среде, Даррелл в 1935 г. оставляет богемную столичную жизнь и уезжает со своей первой женой Нэнси Майерс на солнечный остров Корфу. Позже к нему присоединяется вся семья, в том числе и младший брат Лоренса Джеральд Даррелл, тогда ещё ребенок, а в будущем – известный писатель-анималист.

Книга «Келья Просперо» станет отражением воспоминаний о жизни на острове. Корфу 30-х гг. всё ещё был островом мифов и легенд, куда с трудом проникала современная жизнь, а основными приезжими оказывались археологи, художники и писатели. Очевидно, что такая атмосфера привлекала Даррелла на пороге новой жизни, в самом начале его писательской карьеры.

Многие исследователи соглашаются, что этот травелог производит впечатление самой светлой книги из трех, составляющих цикл «островных» книг. Это кажется закономерным, т.к. остров стал местом стечения удивительных и благоприятных обстоятельств: отсутствие материальных трудностей, образование своеобразного литературного круга², свободное время для творчества, богатство древней культуры, красота природы острова.

Работая над текстом «Келья Просперо», Даррелл использовал свои дневники, однако, сохранив структуру дневниковых записей, писатель наполнил травелог поэтичными описаниями природы, некоторыми вымышленными персона-

жами и событиями. Соединение автобиографии с частичным вымыслом – характерный прием жанра травелога, который позволяет автору правдоподобно рассказать о путешествии в реально существующие места и в то же время расширить границы произведения. Внутри рамок путешествия, которое всегда имеет начало и завершение, писатель может делать разнообразные отступления, затрагивая практически любые волнующие его темы.

Строго придерживаясь выбранного хронотопа, Даррелл, если говорить в терминах И.В.Гюббенет³, расширяет «вертикальный контекст» произведения. Например, он обращается к мифологической истории острова, раскрывая её через призму других художественных произведений, таких как «Одиссея» Гомера или «Буря» Шекспира. Строя предположения о том, где Одиссей встретился с Навсикаей или где разгневанный Посейдон превратил корабль феаков в утес, автор усиливает таинственную, волшебную атмосферу острова.

Но наиболее неожиданным предположением является догадка о том, что именно Корфу был тем островом, на котором герой трагикомедии Шекспира «Буря», волшебник Просперо, оказался, будучи изгнанным из Милана.

Эту идею Даррелл приписывает одному из героев травелога – некоему графу Д. В доказательство своей версии граф замечает, что имя колдуньи (Сусогах, Сикоракса), матери Калибана, которая владела островом, куда был отправлен Просперо, является анаграммой (правда, не точной) одного из названий острова – Сорсуга (Коркира). Кроме того, отмечается сходство в описании особенностей природы и климата волшебного острова в пьесе и острова Корфу.

Отметим, что слушателями графа являются армянский поэт Иван Зарян⁴ и сам автор-повествователь. По утверждению писателя, граф Д. – персонаж не вымышленный, так же как и трое других – доктор Теодор Стефанидес, Зарян и польский поэт Макс Нимик (Max Nimiec). Однако исследователи творчества Даррелла, его друзья и читатели были сбиты с толку, т.к. никаких сведений или воспоминаний о вероятном прототипе графа Д., с которым мог быть знаком писатель, нет. В то же время многое косвенно указывает на то, что в образе графа Д. Даррелл представляет самого себя, ощущая его как одну из сторон своей личности.

Любопытно, что автор-рассказчик, граф Д., и герой пьесы «Буря» Просперо имеют один общий факт в их «псевдобιοграфиях» – это «изгнание» на остров. Правда, в случае с самим Дарреллом и его персонажем графом Д. эта «ссылка» (англ. «exile») является добровольной.

Г.Баукер отмечает, что писатель «полностью осознал, что следует “очень английской” традиции литературного изгнания – от Байрона и Шелли до Нормана Дугласа, от Д.Г.Лоуренса и Ричарда Олдингтона до Роберта Грейвза» [Bowker 1998: 57]. Все они находили вдохновение за пределами Англии.

Так, мечтая о писательском успехе, Даррелл отправляется в Грецию, что также напоминает о ещё одной английской традиции – совершать так называемый Grand Tour – образовательное путешествие. Обычно целью путешествия было посещение Италии, чтобы увидеть величественные памятники искусства и архитектуры эпохи Возрождения. Даррелл же, совершая свои путешествия по Греции, вольно или невольно способствовал развитию нового англо-американского эллинофильства, где центром «паломничества» для многих англичан становится именно Греция. В своем эссе «Байрон, Даррелл и современное эллинофильство» Эдмунд Кили называет Даррелла первым серьезным английским писателем, который заинтересовался современной ему Грецией, исходя не из идеи просвещать других больше, чем учиться самому (как было в байроновском случае), но, по выражению Даррелла, попытаться «проникнуть в темный кристалл»⁵ Греции и постичь мудрость, которую она хранит в себе [Keely 1995: 114].

Даррелл осваивал на Корфу совершенно новый для него стиль жизни: «ритм жизни простого рыбака» с подъемом до рассвета, непрерывной работой вплоть до позднего утра (в случае Даррелла, конечно, это писательский труд), общением с местными крестьянами и философскими разговорами по вечерам в кругу друзей-литераторов и ученых. Даррелл создает в своем травелоге пасторально-утопическую картину: неспешные философские размышления на лоне природы.

Именно такую жизнь и ведет граф Д., называющий себя философом, полным разного рода идей, гипотез и догадок, подобных версии о соотношении шекспировского острова и Корфу. В одной из бесед Зарян говорит графу, что, если бы он захотел написать книгу, это было бы «гениальное творение», но граф отказывается от записи своих «открытий», уверяя, что тогда это уже не будет философией в его понимании. Герой утверждает, что он «философ, который просто сидит и слушает» и которому «достаточно его переживаний» [Durrell 2000: 79, 80]. Вероятно, в этом отрывке находят отражение и собственные амбиции автора относительно создания «великой книги». В этот период Даррелл написал свой первый серьезный роман под названием «Черная книга» (1938). Известно, что писатель был увле-

чен идеей создания ряда произведений, которые могли быть объединены в один текст, т.н. «метатекст», над которым он бы работал на протяжении всей жизни. В определенном смысле таким текстом, по словам самого автора, позднее стали роман «Черная книга», тетралогия «Александрийский квартет» (1957–1960) и романский цикл «Авиньонский квинтет» (1974–1985).

Очевидно, что Даррелла могли одолевать сомнения и неуверенность в собственных силах выразить все те мысли, идеи и переживания, которые охватывали молодого писателя. Видя себя в образе графа Д., развивающего философию чистого переживания, «прочувствования» без цели его выражения, Даррелл будто стремится обезопасить себя от возможной неудачи.

С помощью описания жизненной позиции графа Д. автор травелога ведет размышления о процессе творчества и той проблеме, которая кажется неразрешимой для любого творящего: необходимость выражения своих мыслей и невозможность найти точную и единственно верную форму тому, что существует в воображении. Граф Д. в этом случае отрекается от попыток включить свои открытия в привычный «понятийный аппарат» и таким образом «испортить их осознанностью». Даррелл так описывает графа: «...он обладает художественным сознанием, не обремененным стремлением достичь мастерства. Он безыскусен в изложении, этом порочном демоне *формы*» [там же: 81–82].

Просперо, шекспировский герой, к которому обращается Даррелл в травелоге, также является творцом, в определенном смысле. Он творит чудеса и подчиняет своей воле духов. С их помощью он надеется преобразить прибывших на остров людей. Метафора «творческого накопления», которое становится возможным только на волшебном острове, подчеркивается эпитафией к первой главе травелога «Келья Просперо»: «Молчание! Смотрите и внимайте!» (пер. М.Донского). Эпитафия является цитатой из «Бури», словами Просперо в сцене благословения его дочери Миранды и её возлюбленного Фердинанда. Просперо предлагает влюбленным увидеть представление, разыгранное духами. По воле Просперо оно начинается и заканчивается, стоит только сказать ему слово. Таким образом волшебник творит историю. С одной стороны, он может заставить духов разыграть представление, а с другой – он влияет на самих людей, мечтая своим «волшебством-творчеством» преобразить их, избавить от пороков.

Важно отметить, что образ волшебника не раз появляется в произведениях Даррелла, в первую очередь в пьесе Даррелла «Ирландский Фауст» («An Irish Faustus», 1963), своеобразной интер-

претации мифа о Фаусте. Реминисценции с образом Фауста прослеживаются и в героях диалогии «Бунт Афродиты» (1968–1970), а также в герое романа «Темный Лабиринт» (1947), «начинающем маге» Фиермаксе, провинциальном дилетанте, который без разбора штудирует книги по оккультизму (см. подробнее: [Robinson 2008: 69–72]).

Вероятно, Даррелл ощущает себя подобным шекспировскому Просперо. В то же время можно предположить, что сопоставление себя с героем шекспировской драмы относится не к периоду непосредственного проживания Даррелла на Корфу, а к моменту создания травелога (проходит около 10 лет с того момента, как Даррелл впервые оказался на греческом острове). Он населяет свое произведение эксцентричными персонажами, которые во всем подвластны творцу, т.е. автору. Подобно тому как Просперо подчиняет себе духов острова, писатель также оказывается способен создавать судьбу своих героев, приписывать им определенные качества, действия и т.д. Писательский дар предстает в книге как своего рода волшебная сила, а творчество – в известной степени как волшебство.

Отметим, что, в отличие от других путевых книг Даррелла, в «Келье Просперо» вымысел преобладает над фактической составляющей. Об этом также свидетельствуют замечания жены Даррелла Нэнси, которая, прочитав травелог, была сильно озадачена и сказала, что «всё это ложь» (см.: [Bowker 1998: 67]).

Таким образом, с учетом всего вышесказанного становится понятным и выбор заглавия травелога – «Келья Просперо». «Кельей», уединенным местом для писателя становится остров, где он обретает способность творить на новом уровне. С другой стороны, Корфу в путевой книге Даррелла стал местом утопии, населенным удивительными персонажами. В этом смысле показательно, что здесь теряется чувство времени (в одном из эпизодов Даррелл отмечает, что греки не в состоянии жить по привычному временному делению на часы и минуты, а расстояние измеряют количеством выкуренных в дороге сигарет), нет «строгой границы между реальностью и миром снов», а в звуках пастушьей флейты здесь чудятся «голоса сирен, которые слышал Одиссей» [Durrell 2000: 2, 9].

Описывая одно из самых красивых мест на острове, мыс Палеокастрица, Даррелл говорит о бухте как об особенном месте, где «свет, воздух, голубое море и кипарисы вступили в заговор» и «залив лежит опьяненный своим собственным необычайным совершенством». Отмечая удивительную прозрачность воды в этих местах, Даррелл пишет, что, если нырнуть в эту незамутнен-

ную воду, можно ощутить себя «будто прорывающимся сквозь космическую материю», а выплывая на поверхность, представить, что «ты видишь не голубое небо, простирающееся над тобой, а своды райского чертога» [ibid.]. Таинственность места усиливается описанием одной из пещер, куда можно добраться на лодке только в хорошую погоду. Преодолев низкий вход в первую пещеру, путешественник обнаруживает вторую, более высокую, сухую, полную летучих мышей, в глубине которой он обнаруживает «проход», на пороге которого ему кажется, что он нашел «ключ к одной из тех загадок, которые стремился разгадать всю свою жизнь» [ibid.: 60]. Этот проем ведет в темные многочисленные «коридоры», которые писатель сравнивает со сном или пьесой, перегруженной аллюзиями. В этих пещерах создается чувство оторванности от реального мира, но также и пугающее ощущение, что невозможно будет вспомнить дорогу назад. Страх не выйти на свет «возвращает соблазнительную сладость жизни снаружи» [ibid.: 61].

Пещера – это особенный топос, вызывающий ряд ассоциаций. Понимая пещеру как своего рода «чрево земли», можно воспринимать её как символический локус инициации. Подобно шекспировскому Просперо, у которого была своя пещера на острове, Даррелл также находит на Корфу свою «пещеру», «келью», и затем в новом качестве возвращается в реальную жизнь большого мира. Кроме того, важно отметить, что английское слово *cell* имеет также значение «камера» (часто название травелога так и переводят: «Камера Просперо»).

Постепенно путевая книга Даррелла, на первый взгляд полностью соответствующая традиционным представлениям о жанре травелога, раскрывается с иной стороны, а именно как художественное произведение с характерным интертекстуальным потенциалом. «Келья Просперо» не просто путевые заметки или дневник путешественника. Создавая видимость обычного руководства-путеводителя, о чем, к примеру, говорит подзаголовок книги – «A guide to the landscape and manners of the island of Corfu», писатель размывает жанровые границы и в известной мере мистифицирует читателя. Его травелог превращается в своего рода псевдоисследование. Комбинируя мифы и факты, Даррелл создает мифическую историю острова, привлекая с этой целью в том числе шекспировскую «Бурю», а также «Одиссею» Гомера. В итоге он «сводит» в художественном мире своего травелога персонажей реальных, мифических, литературных, а также добавляет в книгу приложение для путешественников (историческая хроника событий,

списки любопытных мест, карта местных вин и т.д.) и, кроме того, прилагает тематический указатель к тексту. Последнее является редким случаем авторского добавления к художественному тексту. Показательно, что в тематическом указателе присутствует целый ряд отсылок к «Буре» Шекспира.

В то же время следует заметить, что обращение Даррелла к шекспировской традиции и, в частности, к драме «Буря» перекликается с рецепцией этой драмы рядом других английских авторов, прежде всего Дж. Фаулзом⁶. Однако Фаулз в этом отношении выступает преемником идей Даррелла, а именно: его философии острова как локуса, способного открыть творческий потенциал личности, и персонификации этой возможности в образе такого «медиатора», как герой-маг.

Примечание

¹ «For it is not that that the Englishmen can't feel – it is that he is afraid to feel. He has been taught at his public school that feeling is bad form. He must not express great joy or sorrow, or even to open his mouth too wide when he talks – his pipe might fall out if he did. He must bottle up his emotions, or let them out only on a very special occasion». E.M. Forster, «Notes on the English Character», 1921 [Forster 1936: 4].

² В 1936 г. Костан Зарян основывает литературно-философский центр, назвав группу и ее участников «Средиземноморцы». Согласно первоначальному замыслу остров Корфу должен был стать местом духовно-интеллектуальной жизни, каким был, скажем, основанный Рабиндранатом Тагором университет Вишватхарат. И остров Корфу становится тем заветным местом, где собираются, бежав от тревожной и бедственной атмосферы предвоенной Европы, преданные культуре, литературе и философии люди.

³ *Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.

⁴ Зарян Костан (Егиазарянц Константин Хачатурович, Gostan Zarian), 1885–1969, поэт, прозаик, общественный деятель. В книге Даррелла «Келья Просперо» предстает под именем Ivan Zarian.

⁵ «You enter Greece as one might enter a dark crystal; the form of things becomes irregular, refracted» [Durrell 2000: 1].

⁶ Об этом подробнее см.: *Павлова А.А.* Греция в прозе Джона Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.; *Гарушьян С.А.* Эссеистика Джона Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012. 24 с.; *Zabus Ch. J.* Tempests after Shakespeare. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 332 p.

Список литературы

Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.

Bowker G. Through the dark labyrinth: a biography of Lawrence Durrell. PIMLICO, 1998. 480 p.

Durrell L. Prospero's Cell. A guide to the landscape and manners of the island of Corfu. L.: Faber and Faber, 2000. 176 p.

Forster E.M. Notes on the English character//Forster E.M. Abinger Harvest. Orlando: Harcourt Brace and Company, 1936. P.3–15.

Keely E. Byron, Durrell, and Modern Philhellenism//Lawrence Durrell. Comprehending the whole. Columbia and London: University of Missouri Press, 1995. P.111–117.

Robinson J.M. Lawrence Durrell: Between Love and Death, East and West. Kent: Crescent Moon, 2008. 262 p.

SHAKESPEAREAN REFERENCES IN LAWRENCE DURRELL'S TRAVEL BOOK "PROSPERO'S CELL"

Inna G. Savelieva

Post-graduate Student of Literature Department

Moscow State Regional Institute for Humanities and Social Studies

Lawrence Durrell's first travel book 'Prospero's Cell' is a description of the island of Corfu where he spent several years before the World War II. Durrell creates a unique image of the island, interpreting its history through the myths and artistic works, particularly through Shakespeare's 'The Tempest'. The author considers Corfu as Prospero's island and regards this idea in his travelogue, transforming the real island into an arcane and obscure place. The author combines autobiography, guidebook, traveler's diary and elements of fiction, broadening the boundaries of the genre and providing literary critics with a wider perspective for the text interpretation.

Key words: Lawrence Durrell; travel book; travelogue; 'The Tempest' by W. Shakespeare; Prospero; island of Corfu.